

онування бізнес-інкубаторів може бути отримано за умов, що послуги бізнес-інкубатора сприятимуть підвищенню конкурентоспроможності малих підприємницьких структур, завдяки чому вони можуть стабільно і прибутково функціонувати й після завершення періоду «інкубування», не вдаючись до тіньових схем, збільшуючи тим самим надходження до бюджету, створюючи нові робочі місця, сприяючи загальному соціально-економічному розвитку регіону.

Література.

1. Гончарова Н.П. Концептуальные параметры конкурентоспособности национальной экономики // Актуальные проблемы экономики. – 2006. – № 8(62). – С. 43-54.
2. Варналій З.С., Павлюк А.П. Мале підприємство України як чинник регіонального розвитку: стан та перспективи // Актуальні проблеми економіки. – 2004. – № 4. – С. 64-73.
3. Мудрак Р. Державна регуляторна політика як складова економічного розвитку // Економіка України. – 2006. – № 7. – С. 34-40.
4. П'ятницька Г. Роль малого підприємства у процесі розбудови національної економіки та підходи до розв'язання основної суперечності його розвитку // Економіст. – 2004. – № 9. – С. 38-41.
5. Памута М. Мале підприємство та інновації як фактори зростання економіки // Економіст. – 2004. – № 1. – С. 50-55.
6. Тибінь А. Організаційно-економічні аспекти розвитку підприємництва в регіоні // Регіональні перспективи. – 2004. – № 3-5. – С. 319-321.
7. Копченко І.М. Державне сприяння розвитку інфраструктури підтримки малого підприємництва в Україні // Актуальні проблеми економіки. – 2004. – № 4. – С. 89-95.
8. Кропельницька С. О. Теоретико-методологічні аспекти самоорганізації у територіальних виробничих системах // Актуальні проблеми економіки. – 2004. – № 4(34). – С. 119-128.
9. Гоцуєнко Н. Кінець «інкубаційного» періоду // Дзеркало тижня. – 2006. – № 28. – 22 липня. – С. 10.
10. Эрроу К. Возможности и пределы рынка как механизма распределения ресурсов. – М.: THESIS, 1993, т.1., вып.2. – С. 54-76.
11. Барсукова С.Ю. Трансакционные издержки вхождения на рынок предприятий малого бизнеса // Проблемы прогнозирования. – 2000. – № 1. – С. 108-119.

Статья поступила в редакцию 22.01.2007

И.В. ПЕНЬКОВА, к.э.н., доцент,
Донецкий национальный технический университет

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ИНФОРМАЦИИ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Институционализм начал формироваться в 80-90-е годы XIX века, когда американское общество становилось подвижным, зыбким и даже хаотичным. Вместе с этим процессом распространялся дух растерянности и разочарования, и возникла объективная потребность научного анализа реальности на фоне развивающейся техники, изменяющей хозяйственно-экономическую жизнь, и возможности расширенного использования принципов естествознания в науке и технике. Коренные технологические и социально-экономические трансформации, происходившие в американском обществе в 80-90-е годы XIX века, вызвали к жизни новую теорию – «институционализм».

Исследование трудов представителей традиционного институционализма позволяет предположить, что информация занимает одно из основных мест в их исследованиях. При

этом несмотря на то, что подходы к определению роли информации в социально-экономических процессах различны, ее значимость не отрицается представителями этого направления. Следует отметить, что остается немало невыясненных аспектов относительно проявлений природы информации. Так, например, недостаточно четко сформулированы понятия полноты информации, неопределенности и функциональных особенностей информации при формировании институтов и их развитии. Представляется, что проблема рациональности и иррациональности, поднятая институционалистами, не получила глубокого обоснования.

В связи с этим целью статьи ставится анализ исследований современных представителей институционализма для выявления места

© И.В. Пенькова, 2007

и роли информации в институциональной теории и основных подходов к ее определению. Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи:

исследовать подходы к определению информации в институциональной теории;

выявить основные характерные черты в подходах к определению информации в трудах представителей институционализма.

Начиная наше исследование, целесообразно отметить, что стремление ученых-экономистов теоретически оценить современные мирохозяйственные процессы в рамках институционализма вызывает к жизни различные методы и подходы к их интерпретации. В данном случае интерес представляет исследование М. Сухарева. Он полагает, что «попытки руководствоваться в проведении и понимании ... реформ имеющимися экономическими теориями выявили, наконец, их совершенную недостаточность ... Группы экономических учений, образующих “мэйнстрим”, являются “специальными” теориями, применимыми без оговорок только в рамках некоторых определенных граничных условий ... Альтернативные же экономические теории – институционализм и эволюционная экономика – на сегодня недостаточно развиты для того, чтобы давать конкретные рекомендации. Определенно вырисовался методологический кризис, требующий пересмотра самих основ экономической теории, причем исходя из насущных жизненных потребностей» [1]. На аналогичной позиции стоит и А. Белянин, обосновывающий целесообразность использования новейших методик и методологических подходов, эмпирических и экспериментальных исследований экономического поведения [2, с.5].

Так как эффективная работа рыночной экономики предполагает гармоничную систему социальных институтов (юридических законов, правил поведения и действий в тех или иных ситуациях), которые нередко идентичны идеям, организующим и определяющим структуру и особенности жизнедеятельности общества, то «естественной философией институционализма» предлагается считать идеализм. При этом Сухарев употребляет исходное понятие идея для обозначения определенности, организованности, устройства вещи, что он отождествляет со словами эйдос, понятие, образ и т.п.

Исследуя информацию в рамках идеалистического направления, Сухарев считает, что «информация и организация суть одно и то же». В соответствии с точкой зрения Сухарева, представим, что идея вещи или процесса в вос-

приятии человека и ее суть в объективном мире идентичны (или близки по своей природе). Учитывая тот факт, что идея философского идеализма – это организованность, упорядоченность движущейся материи, или движения материи, строение предмета, и информация о его строении, содержащаяся в другом предмете или в процессе, передающем информацию, например, в упорядоченности процессов в мозге, несложно предположить, что упорядоченность строения объективно существующей вещи превращается в упорядоченность процессов в мозгу или компьютере. Всякая вещь представляет собой организованное движение материи, но существует еще и движение этой организованности, которое и создает общее в единичных вещах, а также возможность восприятия, анализа и дальнейшего познания.

Поскольку информация и организация идентичны, а в свою очередь идея и организация могут быть равны в своей сути, то можно поставить знак равенства между идеей и информацией.

С одной стороны, такое суждение приводит к некоторым спорным положениям. Если идея и организация тождественны, то представляется сложным объяснение такого явления, как анархия на различных этапах общественного развития. Однако, принимая во внимание разнообразие и дифференцированность идей относительно одного и того же явления, можно значительно облегчить задачу пояснения анархии. Так как идеи эволюционируют вместе с социумом и выживают только те, которые наиболее четко отвечают целям и задачам того или иного общества, то можно предположить, что между идеями относительно одного и того же процесса или явления существует определенная борьба или конфронтация, порождающая анархию. В результате такой борьбы формируется единая идея, и анархия прекращается.

С другой стороны, отождествление идеи и информации предоставляет возможность рассматривать историческое движение идеи в материи как «информационный канал», по которому идея движется из прошлого в будущее. Свойства этого канала весьма своеобразны. Анализируя передачу идеи живого существа от ланцетников к высшим позвоночным, мы наблюдаем увеличение количества информации вместо ее рассеяния. Г. Кастлер, изучая явление порождения информации, предположил, что информация всегда возникает в результате запоминания случайного выбора [3]. В поддержку этого положения уместно вспомнить иссле-

дования В. Турчина, который считал, что новая идея возникает как небывалый ранее порядок связи частичных идей. Это явление он назвал метасистемным переходом [4].

Аналогичная ситуация складывается и в сфере накопления знаний. «Производство и накопление знаний развивается неравномерно, имея тенденцию к ускорению и концентрации знаний в последнее время» [5, с.66]. По оценкам Arthur Andersen, в последние десятилетия XX века знания удваивались каждые пять лет. А к 2020 г. они будут удваиваться каждые 72 дня [6, с.7].

Тем не менее, идеализм, несмотря на логичность его применения к исследованию информационного обращения и влияния информации на экономическое поведение субъектов и возможности определения с его помощью процессов наращивания информационных потоков, не решает многих проблем, возникающих в социально-хозяйственных процессах современности.

В подтверждение нашей точки зрения упомянем аналогичную позицию Л. Гусаровой [7, с.54]. «Модель «экономического человека» должна быть дополнена такими характеристиками, которые наделяют ее реальным содержанием всех сложностей и противоречий жизни конкретного человека в экономическом пространстве, в котором, наряду с чисто экономическими процессами и явлениями, одновременно существуют, активно взаимодействуют между собой явления правового, социального, а также морально-этического характера».

Принимая во внимание этот факт, продолжим наше исследование, которое базируется как на историческом, так и на экономическом подходах. Подчеркнем, что «экономический подход не предполагает, что все участники на каждом рынке непременно обладают полной информацией или совершают сделки, не требующие никаких издержек для их заключения. Неполноту информации или наличие транзакционных издержек не следует, однако, смешивать с иррациональностью или непоследовательностью поведения» [8, с.28].

Экономический подход привел к разработке теории оптимального или рационального накопления дорогостоящей информации, которая подразумевает более значительные инвестиции в добывание информации при принятии важных решений по сравнению с малозначимыми, например, при приобретении дома или вступлении в брак по сравнению с покупкой хлеба или дивана. Собранная информация остается чаще всего далеко не полной, потому что

ее получение сопряжено с издержками – факт, использующийся в экономическом подходе для объяснения тех форм поведения, которые в других подходах понимаются либо как иррациональное или непоследовательное поведение, либо как традиционное, либо как «нерациональное» [8, с.28].

Отметим, что рациональность выбора может трактоваться как сугубо субъективное явление, свойственное определенному экономическому агенту, которое основывается на когнитивном восприятии и издержках, связанных с нахождением той или иной информации. «Объем используемой информации зависит от издержек на ее поиск, следовательно, в конечном счете речь идет о когнитивных ограничениях и величине издержек на поиск информации» [9, с.58]. Аффективное поведение в основном обуславливается внешними стимулами или спонтанными желаниями. По мере накопления информации поведение меняется, постепенно становясь целенаправленным. Этот процесс сопряжен со сбором информации и усложнением ее обработки, принимая во внимание ее растущие объемы и разнородность. Эффективность принимаемого решения непосредственно зависит от наличия средств и информации о них, которые предоставляют возможность достижения цели.

Неоднородная информация о ресурсах, возможностях, ограничениях, целях и др. требует от индивида обработки, которая принимает многоуровневую схему (рис.1) [10, с.26].

Со стройностью приведенной концепции можно в целом согласиться, так как схема (рис. 1) учитывает не только внешние стимулы и факторы, влияющие на поведение, но и неосознанные сценарии, сформированные в мозгу экономического агента. Такой подход соотносится с нашими представлениями о модели внешней информационной среды, которая развивается на основе особенностей восприятия, привитых воспитанием и средой существования субъекта.

Тем не менее, существует иная точка зрения. Так, Г. Беккер, отрицая роль «бессознательного» при формировании рационального поведения, пишет: «Я не собираюсь утверждать, что такие понятия, как “ego” и “id”, или социальные нормы лишены научного содержания. Мне хотелось бы только заметить, что они ... выступают орудиями искушения и ведут к бесплодным объяснениям человеческого поведения ad hoc» [8, с.36]. «...Все человеческое поведение характеризуется тем, что участники максимизируют полезность при стабильном

наборе предпочтений и накапливают оптимальные объемы информации и других ресур-

сов на множестве разнообразных рынков» [8, с.38].

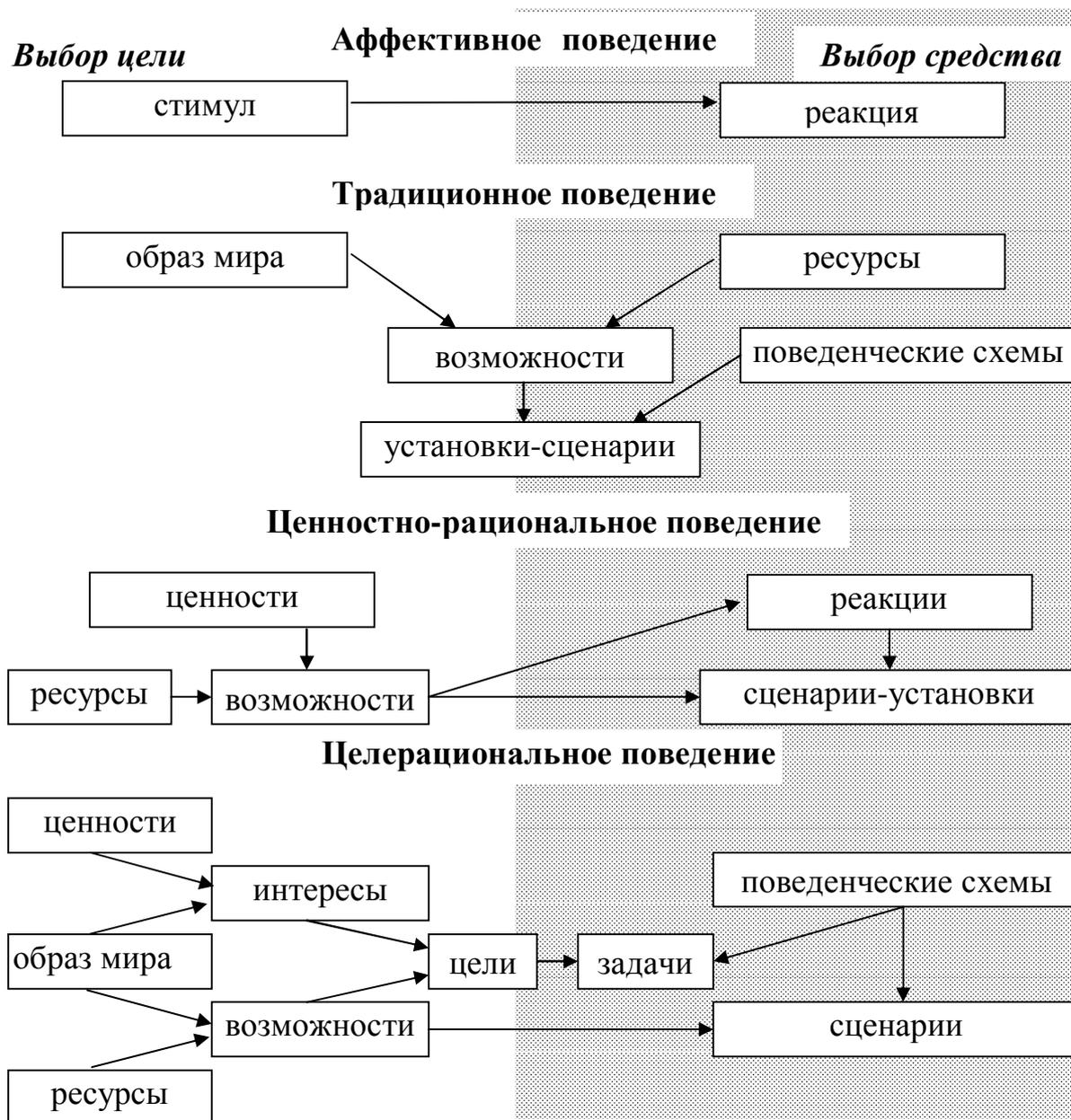

Рис. 1. Схема обработки информации индивидом

С изложенным тезисом непросто согласиться, если принять во внимание тот факт, что неформальные институты (нормы, правила и система ценностей и др.) закладываются в разум человека экономической, социальной и культурной средой, образуя информационные алгоритмы потребностей, поведения, восприятия и познания, которые уходят корнями в историю и медленно модифицируются. Более того, А. Белянин считает, что «homo oeconomicus» представляется существом не просто рациональным, но гиперрефлексивным. Оно наделено системой предпочтений, памятью

и «прочими достоинствами машины для потребления», органически не способно действовать по «наитию», ошибаться при оценке наиболее желательного из имеющихся вариантов и выносить логически противоречивые суждения. Однако «добродетели эти не типичны для большинства живых людей, склонных систематически принимать решения, руководствуясь не рациональными, а интуитивными соображениями», которые Д. Канеман и В. Смит назвали «поведенческими эвристиками» [2, с.12].

Это в свою очередь перекликается с опеределением институтов, предложенным

Р. Абрашитовым, в соответствии с которым институт рассматривается как объективно возникающая общность на основе адаптации населения стран или регионов к различным климатическим и ресурсным условиям, традициям и технико-экономическому укладу, инвариантом жизнедеятельности, обеспечивающим воспроизводство экономических отношений в различных социально-экономических системах, выражающим отношения агентов между собой по поводу распределения ограниченных ресурсов, большей частью на основе рутинных представлений и структурирующим образ действий [11, с.5]. По этому поводу Д. Норт писал, что институты – это конструкции, созданные человеческим сознанием, их невозможно увидеть, прочувствовать и измерить. Следовательно, как полагает В. Новицкий, экономика «может расценивать людей как носителей определенных алгоритмов поведения в соответствии с их природной потребностью взаимодействовать, рассчитывая друг на друга» [12, с.60].

Информационные алгоритмы (модели) образуют некое невещественное богатство нации, на которое еще в 1720 годах обращал внимание И. Посошков, предлагая деление богатства на вещественное и невещественное. К последнему он причислял благоприятные моральные условия жизнедеятельности людей, эффективное управление, личную безопасность и всеобщую доступность к знанию. Отмечая, что «паче вещественного богатства надлежит всем нам печься о невещественном богатстве» [13, с.33], Посошков аргументировал тот факт, что рост материального благосостояния зависит, в том числе, от определенности правил и традиций.

Ограниченность человеческого знания и возможностей принятия решений приводит к тому, что люди опираются на привычки и правила. Их неоднократное применение обуславливает появление институтов как некой информационной материи, что принуждает «экономического человека», в идеале обладающего полной информацией, постоянно вычисляющего, максимально приспособленного к экономической реальности, интеллектуального и компетентного, перемещаться в плоскость инерции, привычек и традиций. При этом «нечто «нерациональное», с позиции компьютерных технологий, приобретает черты высшего уровня рациональности» [7, с.53].

К таким исторически определенным психологическим и нравственным канонам поведения, несущим информационные потоки из прошлого сквозь время в настоящее, можно отнести религию и мораль. В этом отношении

правильными представляются положения А. Пуанкаре и М. Монтеня, в соответствии с которыми нельзя сколько-нибудь целостно и строго на научной методологической основе объяснить суть религии, морали и других основополагающих элементов человеческой жизни. По причине того, что они сами функционируют как собственное основание и выступают в качестве атомарной частицы и идеологического фундамента общественной жизни в рамках конкретного социума и в области социально-экономического взаимодействия.

Поскольку информация проявляется в различных формах, уместно напомнить, что, кроме религии, норм, традиций, законов, правил и пр., систематизированная информация относительно того или иного явления преобразуется в знания.

Основополагающее значение знаний как фактора экономического роста исследовал Э. Денисон, который одним из первых доказал и подтвердил расчетным путем и логическим обоснованием группы факторов зависимость производительности труда и экономического роста от уровня образования и квалификации работников, что можно рассматривать как уровень знаний. Он рассчитал, что в 50-60-х годах XX века в США за счет высокого уровня знаний и образования работников обеспечивалось около 20%, а в странах Западной Европы до 1/3 прироста ВВП. Позже эта тенденция сравнялась [14].

Продолжением мысли о важной роли знаний, принадлежащих совокупности людей, могут послужить исследования П. Друкера [15]. Он выработал новое понимание технологии, но не как системы работающих машин, требующих определенных действий человека, или как внешнего органа самого человека. Главным элементом технологии признана культура общих знаний и совместного труда больших коллективов людей, культура производственных и социальных связей, создаваемых наукой об эффективном труде. Тем самым фактически было введено различие понятий капиталоемкого и наукоемкого производства.

Анализируя знания как один из важных факторов производства, В. Скворцова [16, с.141-142] уточняет, что результаты и продукты экономической деятельности людей в форме средств производства представляют собой объективированные, персонифицированные научные знания, которые она рассматривает как один из системообразующих элементов капитала и приводит графическую интерпретацию этого положения (рис. 2).

Рис. 2. Знания как системообразующий элемент капитала

Следовательно, знания (информация) выступают источником власти и в то же время – системообразующим элементом капитала. Являясь существенной частью социально-экономических процессов и одновременно их отражением, знания (информация) становятся ресурсом, продуктом и товаром, предопределяя переход человечества к новой информационной стадии развития.

Подводя итог анализа места и роли информации в институциональной теории, можно сформулировать следующие выводы:

- информация рассматривается представителями институционализма с разных позиций, при этом не отрицается ее существенная роль в социально-экономических процессах. Особое место информация занимает в исследованиях особенностей поведения экономического агента, принимающего рациональные или иррациональные решения. Эффективность того или иного решения находится в прямой зависимости от объема и полноты информации, которой обладает индивид;

- в основе формирования и развития как формальных, так и неформальных институтов лежат информационные потоки, определяемые историей, географическим положением региона или страны, культурой, менталитетом, религией и моралью. При этом информационные потоки, несущие традиции и систему ценностей из прошлого в настоящее и будущее и обра-

зующие институты, определяют психологические и нравственные каноны поведения. Кроме того, они влияют на формирование модели внешней информационной среды, в соответствии с которой принимает решения субъект;

- несовершенная методологическая база исследования, предлагаемая традиционным институционализмом, может быть дополнена философскими методами диалектического идеализма. Это в свою очередь дает возможность считать, что в основном все социально-экономические явления имеют информационную природу и порождаются движением информации в материи. При этом информацию можно идентифицировать с идеей и организацией, что предполагает наличие информации во всех социально-экономических явлениях;

- информация о каком-либо явлении систематизируется в знания, которые в свою очередь рассматриваются как источник власти, при условии распределения специализированных знаний между членами определенной группы людей. Более того, определяя квалификацию, опыт и навыки работников, знания являются основой технологии и системообразующим элементом капитала, влияя на производственные отношения и потребительские возможности;

- остаются невыясненными многие аспекты относительно проявлений природы информации. А именно, недостаточно ясно опре-

делены категории полноты информации, неопределенности и функциональных особенностей информации при формировании институтов и их развитии. Кроме того, проблема рациональности и иррациональности, поднятая институционалистами, не получила качественного обоснования.

Литература.

1. Сухарев М. В. Динамический структурный идеализм как философия институционализма. – Режим доступа: http://socionet.ru/archives/users-docs/sukharev_mikhail.55681/files/f01326202527.doc
2. Белянин А. Дэниел Канеман и Вернон Смит: экономический анализ человеческого поведения (Нобелевская премия за чувство реальности) // Вопросы экономики. – 2003. – №1. – С.4-23.
3. Кастлер Г. Возникновение биологической организации. – М.: Мир, 1967. – 238 с.
4. Турчин В. Ф. Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции. – М.: Наука, 1993. – 296 с.
5. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. – М.: ВЛАДОС, 1994. – 339 с.
6. Дапалитт А. О проблематике управления знаниями // Computerworld. – 1999. – №31. – С.5-14.
7. Гусарова Л.Ф. Теоретико-методологические основы институциональных преобразований: Дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.01/Моск. гос. социальный ун-т. – М., 2004. – 352 с.

8. Беккер Гэри С. Экономический анализ и человеческое поведение // THESIS. – 1993. – Вып. 1. – С.24-40.

9. Олейник А.Н. Институциональная экономика. – М.: Инфра-М, 2000. – 416 с.

10. Цымбурский В. Человек политический между ratio и ответами на стимулы. К исчислению когнитивных типов принятия решений // ПОЛИС. – 1995. – №5. – С.22-28.

11. Абраштов Р.Р. Трансформация экономических институтов в современных условиях. – Саратов: СГСЭУ, 2002. – 217 с.

12. Новицкий В. Інформаційне трактування класичних підходів в економічній науці // Економіка України. – 2004. – №4. – С.53-63.

13. Аникин А.В. Путь исканий: Социально-экономические идеи в России до марксизма. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.

14. Денисон Э. Исследование различий в темпах экономического роста. / Пер. с англ.; Общ. ред. и вступ. ст. В.М. Кудрова. – М.: Прогресс, 1971. – 645 с. – (Гл. 8. Уровень образования рабочей силы. – С.167-218).

15. Друкер П. Задачи менеджмента в XXI веке: Пер с англ. – М.: Вильямс, 2003. – 272 с.

16. Скворцова В.А. Интеллектуальный капитал в условиях постиндустриальной экономики: Дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.01 / Пензен. гос. пед. ун-т им. В.Г.Белинского. – Пенза, 2004. – 430 с.

Статья поступила в редакцию 12.12.2006

Е.Г. КАЗАНЦЕВА, к.э.н., доцент,

Российский государственный торгово-экономический университет, г.Кемерово

НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ОЛИГОПОЛИСТИЧЕСКИХ СТРУКТУР В РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В современных условиях происходит стремительное развитие олигополий, укрепление их позиций на национальных и международных рынках. В этой связи возрастает роль органов власти разного уровня в регулировании и координации деятельности олигополий в целях защиты национальных интересов и развития территорий, на которых они осуществляют функционирование.

В начале XX века олигополии в отношениях с государством часто занимали позиции «ведомых». Тенденции усиления власти олигополистов начали формироваться к середине первой половины XX века. Т. Крепс говорил по

этому поводу: «Чем дальше, тем все в большей мере корпорация приобретает вид самостоятельного государства. Она имеет свой законодательный орган, свои исполнительные правительственные органы, государственный департамент (или отдел, ведающий отношениями корпорации с обществом), министерство юстиции, казначейство, корпоративную бюрократию или штат чиновников с должностной иерархией и соответствующей шкалой пенсионного обеспечения; зачастую компания имеет собственную полицию («специальных служащих») и

© Е.Г. Казанцева, 2007